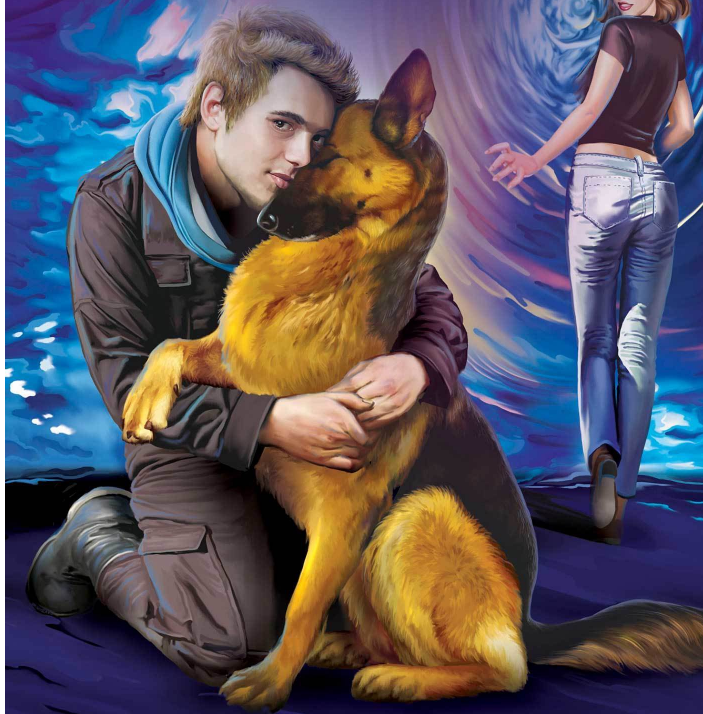

Ник Аллек

НЕТ ПУТИ НАЗАД

Ник Алнек

Нет пути назад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11952607

Аннотация

Главный герой книги Ника Алнека «Нет пути назад» – обыкновенный служащий, живущий в мире далекого будущего, где человечество, научившись создавать порталы, узнает о других мирах и тут же сталкивается с массой проблем. Влюбившись в молодую женщину, преследуемую законом, он помогает ей и ее отцу бежать в мир Зазеркалья, где узнает об опасности, нависшей над людьми нескольких миров. Сумеет ли он ради своей любви побороть свои страхи и сомнения? Готов ли он предать тех, кто любит и ждет его дома? И существует ли само Зазеркалье? Об этом вы узнаете, прочитав книгу.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Ник Алнек

НЕТ ПУТИ НАЗАД

– Расскажите немного о себе.

– Я уже рассказывал.

– Знаю. Но мне интересно услышать, а не читать. Обещаю, больше Вас никто не потревожит.

– Я вам не верю...

– Хорошо... Тогда спрашивать буду я... Судя по записям Вам тридцать пять лет и на свет Вы появились в мае, 27 числа, 3515 года, после полудня, в детском инкубаторе. Пока все верно?

– Да.

– Что это за инкубатор?

– Один из инкубаторов. В них новорожденные находятся под присмотром специально обученного персонала.

– Понятно. Итак, Вы работаете в небольшой конторе по поимке беглецов и носите женское имя Софи. Софи Краут, если быть точным. Скажите, почему у Вас женское имя?

– У моей матери было девять сыновей, но она мечтала иметь дочь. Наконец Департамент Контроля выдал ей лицензию на ребенка женского пола по имени Софи. Матери имя понравилось и она закрепила его за собой, но, когда настал момент идентификации младенца, оказалось, что из-за путаницы с маркировочными пистолетами ей снова достался

мальчик.

– Как это произошло?

– Просто нерадивая акушерка умудрилась перепутать меня с этой девочкой, лежавшей рядом, и вшила мне в бедро ее биор¹. Если бы Вы знали, какой разразился скандал! Моя мать рвала и метала, но изменить что-либо было невозможно.

– Почему?

– Когда биор попадает в тело, он тут же растворяется и становится частью человеческого организма. Разумеется, с того момента любой биосканер фиксировал меня, как особу женского пола по имени Софи. Департаменту пришлось приносить извинения и вносить некоторые изменения в программу сканеров, иначе в дальнейшем, моя жизнь превратилась бы в одну большую проблему... У Вас есть сигарета? Очень курить хочется.

– Да, конечно. Вот, возьмите... Скажите, а какое имя Вы должны были получить, как особь мужского пола?

– Сократ.

– Значит, той девочке дали мужское имя?

– Не знаю. Возможно. Тогда маркировали нескольких младенцев...

– Что было дальше?

– Когда мне исполнилось четыре года меня перевели в школу-пансион. В нем я жил и учился до восемнадцати лет.

¹ Биор – биологический регистратор.

– Другими словами Вы воспитывались вне семьи?

– Да, как и мои братья.

– Софи, чем Вы стали заниматься после того, как закончили школу?

– Пошел работать. Департамент Занятости выдал мне направление на работу.

– Хорошо. Я читал, что Вы сняли небольшой домик на юге Европейской провинции, в тихой деревушке на берегу моря. Судя по записям Вы любите это место.

– Очень. Там потрясающий воздух. Он пьянит без всякого вина. Мне не хватает моего уютного дворика, дикого винограда, плотно обвившего его, плетеного кресла, в котором я часто сижу с закрытыми глазами и слушаю шум прибоя, вытянув вперед босые ноги.

– Да Вы просто поэт, Софи... Скажите, когда Вы общались с моими коллегами, то часто упоминали термин «За-зеркалье». Можно об этом поподробнее?

– Этот термин появился задолго до моего рождения. В середине двадцать первого века.

– Вы так считаете?

– Я ничего не считаю, это исторический факт.

– Даже так? Что же это за исторический факт?

– Группа ученых, проводила в коллайдере какие-то свои очередные эксперименты.

Видимо, в какой-то момент времени, даже не подозревая об этом, они запустили процесс образования пространствен-

но-временных разломов. Поначалу их никто не замечал. Лет тридцать. Так, время от времени в интернете появлялись заметки о разноцветных свечениях, возникавших то тут, то там на пару-тройку минут.

Писали даже о том, что невольные свидетели этих явлений клялись под присягой, что в радиусе этих свечений исчезало все, что в них находилось, двигалось или произрастало. Поползли разные слухи, но видные ученые, впрочем, как и не очень, в своих выступлениях, ссылаясь на физику природных явлений, миражи и что-то там еще, поспешили назвать все это безобидными фантазиями очень впечатлительных натур...

– Продолжайте...

– Когда свечения прочно обосновались на определенных участках Земли и уже не меркли ни на одну секунду, испугались все. Те, кто проживал в непосредственной близости от загадочных явлений, бросали свои дома, имущество и устремлялись в другие места. За считанные дни вымирали целые города...

– Печально. А, как повели себя ученые?

– В школьных учебниках по истории сказано, что ученые пробовали оправдаться, но когда начался весь этот хаос, то к проблеме подключились военные. Они взяли под свой контроль странные зоны, затем согнали лучших ученых в какой-то бункер и заставили изучить этот странный феномен... Можно еще сигарету?

– Берите... Что еще сказано в учебниках?

– В них сказано, что вскоре ответ был найден и подтвердились давние догадки о многомерности пространства. Цитирую: «Началась новая эра в истории физики как науки, а вместе с ней и новый виток в жизни человечества».

Сначала все шло замечательно. Ученые догадались, хотя, возможно, им и подсказали, как «разорвать» ткань пространства, чтобы связать две отдаленные точки друг с другом.

– Вы сказали «подсказали». Кто подсказал?

– Не перебивайте меня, а то я запутаюсь! Я, знаете ли, в школе был не лучшим учеником. Потом... Потом Вам все станет ясно.

– Хорошо. Простите меня и продолжайте.

– Так вот, им подсказали, как «разорвать» ткань пространства, после чего человечество приобрело возможность перемещаться из одного места в другое. Теперь можно было спокойно, за считанные секунды попасть из Парижа в Нью-Йорк, из Лос-Анджелеса в Пекин, не расходуя при этом больших денег и времени на долгие перелеты. Это привело ко всеобщему ликованию. Особенно счастливы были те, кто боялся летать. Разумеется, не все сразу бросились испытывать на себе преимущества порталов. Их боялись, обходили стороной, отговаривали других. Вы бы стали, рискуя своим здоровьем и жизнью, пользоваться тем, что не понимает и не принимает рассудок?

– Нет.

– Вот и другие боялись входить в порталы. Но время берет свое, и спустя какие-то несколько лет никто уже не мог представить себе жизнь без этих переходов. Отпала необходимость в транспорте. Практически отпала. Воздух стал намного чище – в него уже не попадало столько вредоносных примесей, как раньше.

– Что было потом?

– Люди научились путешествовать между многочисленными слоями пространства. Многие из них оказались местами обитаемыми, в большинстве из которых жили люди, анатомически ничем не отличавшиеся от нас. Мы стали познавать их миры, торговать, влюбляться. Одним словом, мир преобразился и его некогда более или менее видимый горизонт стал бескрайним.

– Красиво сказано.

– Это я процитировал из школьной программы. Знаете, еще в детстве, на уроке «Сотворение мира», наша учительница рассказывала нам, шестилеткам, что мир соткан из огромного количества слоев, отличных друг от друга числом пространственных или временных координат. Она говорила: «Мироздание, дети, похоже на толстую книгу, состоящую из множества страниц, каждая из которых представляет собой целый мир со своими законами Вселенной. Подобно тому, как книга имеет много страниц, так и мир состоит из огромного множества слоев, имеющих свое отдельное простран-

ство, отличающееся от другого своими формами».

Потом она попросила сказать из скольких координат состоит наше пространство. Но никто из нас не знал. Весь класс молча сидели на полу, скрестив ноги и тупо смотрел на нее. Учительница тогда разозлилась и заорала: «Какие вы все глупые! Вам скоро семь лет, а вы не знаете, что мы живем в трех координатах, не считая времени!» – и стала рассказывать о местах, в которых время имеет несколько измерений – два, три, а иногда и больше и, что все эти времена движутся одновременно, только с разными скоростями...

– Она бывала в таких местах?

– Вряд ли. Но пожелала всем нам, когда-нибудь попасть в многовремье, чтобы по достоинству оценить его существование. В более старших классах один мой приятель пытался объяснить мне о жизни в тех слоях. Впрочем, не думаю, что Вам это будет интересно.

– Вы не правы. Мне все интересно.

– Он как-то сказал: «Не знаю, как местные аборигены воспринимают свою реальность, но думаю, что на самом деле не все так плохо. Прикинь, ты познакомился с девчонкой, назначил ей свидание, ну, скажем, в парке, а сам на это свидание опоздал. И все – она ушла, на звонки не отвечает. И в то же время ты помнишь во всех подробностях, как суперски провел с ней день, у вас любовь, туда-сюда, потом вы поженились. Класс, да?»

Я тогда его спросил: «А если времен три?»

И он ответил: «Тогда еще круче, парень! Может, ты в одном и опоздал на свидание, но в другом, по пути домой встретил другую».

Я тогда еще рассмеялся и сказал: «Ага, и помню, как у нас с ней любовь, семья, дети и все такое... А, если меня чем-то придавило по дороге домой, то я живу и помню собственные похороны?»

«Ну, теоретически да», – согласился со мной приятель.

– Софи, а почему Вы сказали, что сначала все было замечательно?

– Потому что позже оказалось, что не все так хорошо, как виделось в начале. Создание порталов привело к тому, что многие профессии стали просто не нужны, люди теряли работу, а с ней и возможность нормально существовать. Но это была лишь первая ласточка той беды, что уже витала над головами людей.

– Что Вы имеете в виду?

– Другие реальности, или как многие окрестили их «Зазеркалье», преподнесли человечеству удивительный подарок – новую медицину и чудеса генетики. Мы почти перестали болеть и стали долго жить.

– Сколько?

– До двухсот и более лет. Как показало время, люди были не готовы к таким сюрпризам. Жить долго хотелось всем, но не все умели правильно жить долго, либо не справлялись психологически. К тому же подрастало новое поколение, ко-

торому тоже требовались определенные условия для нормального обитания. И хотя многие оставались в других мирах, людей от этого не становилось меньше. Начались убийства: из-за рабочего места, из-за жилья, из-за еды, из-за политических взглядов, религиозных убеждений, да и просто так. Люди сильно деградировали и сходили с ума, каждый по-своему. Они грабили, убивали, насиловали друг друга. Выходить на улицу без оружия считалось безумием. Жизнь больше не представляла никакой ценности и у многих пропало желание иметь потомство. Впереди замаячила демографическая катастрофа, а вместе с ней разрушение во всех сферах жизни.

И тогда президенты всех стран были вынуждены пойти на крайние меры. Они создали ОП – Объединенное Правительство, которое тут же изменило и засекретило коды доступа в Зазеркалье. Были образованы новые правительственные структуры. Одной из таких структур стал Департамент Контроля над рождаемостью и смертью, который тут же обязал каждого взрослого человека воспитать как минимум пятерых детей. Те, кто не хотел их иметь, облагались большими налогами. Все эти действия подкреплялись шквалом передач о новых взглядах на происходящие процессы в обществе, о разлагающей идеологии Зазеркалья и прочее, прочее, прочее.

Кроме того, жить теперь разрешалось не более 150 лет. Отсрочку получали лишь те, кто, по мнению Департамен-

та, был полезен обществу – политики, ученые, деятели искусств...

– И все с этим смирились?

– Разумеется, нет! Все эти шаги ОП вызвали шквал возмущения, и по миру прокатились протесты: против закрытия Зазеркалья, против принудительного ухода их жизни, против самого ОП и просто против ВСЕГО! Их, правда, быстро погасили, зачинщиков упрятали в тюрьмы, запретили ношение любого вида оружия, а в некоторых регионах ввели военное положение. И у людей начался психоз «БЖ» – Боязнь Жизни, известный в старину как «Синдром живого трупа»².

– Это когда появляется устойчивое стремление к суициду?

– Да. Люди впадали в тяжелейшую депрессию, кончали жизнь самоубийством поодиночке или группами. Тогда ОП под предлогом избежания некоего опасного заболевания проникшего к нам из Зазеркалья, объявило о начале повальной вакцинации населения новым препаратом «Пиатон». Большинство, поверив в загадочную болезнь, выстраивались в очередь за спасительной прививкой. На деле «Пиатон» оказался обыкновенным наркотиком, обладавшим сильным седативным действием. Люди успокаивались, однако побочный эффект этого препарата вызывал у них не только сильную психическую и физическую зависимость, но и разруши-

² *Синдром живого трупа* или синдром Котарда, впервые описана психиатром Жулем Котардом в 1880 году.

тельно действовал на некоторые органы. Их замена стоила ОП огромных средств, и препарат быстро заменили на другой – «Окситон», вызывавший не только состояние умиротворения, но и позволявший человеку не испытывать усталость на протяжении многих часов. Через пару месяцев, восемьдесят процентов населения не могло обходиться без этого лекарства. Несмотря на то, что последний наркотик не приводил к сильным физическим разрушениям, ОП заявило, что отныне дети будут вынашиваться в специально разработанных инкубаторах.

– Расскажите мне о своей матери.

– Я не знаю, что о ней рассказывать.

– Что-нибудь, в общих чертах. Как ее зовут, как она выглядит...

– Ее звали Джул.

– Почему звали? Она умерла?

– Не знаю...

– Хорошо. Итак, ее звали Джул.

– Она была высокой, красивой, генетически абсолютно здоровой женщиной. Ни одного изъяна. Ее покойные родители были людьми успешными, богатыми и влиятельными, что дало ей возможность учиться в лучших школах, одеваться в самых дорогих бутиках и отдыхать на самых шикарных курортах. Разумеется, читала она и смотрела только то, что было разрешено и одобрено специальным Департаментом по Воспитанию и Образованию. Когда ей исполнился двадцать

один год, она вышла замуж за старшего брата своей школьной подруги – только потому что тот являлся послом в одном из миров Зазеркалья и это давало ей право не только беспрепятственно бывать там, но и, возможно, продлить себе жизнь.

– Она любила Вас с братьями?

– Нет. Она никогда нас не любила и предпочитала навещать сначала в инкубаторах, а затем раз в год в пансионатах. Все остальное время Джул проводила в свое удовольствие.

– Вы, когда-нибудь бывали у нее дома?

– Родители обязаны приглашать детей к себе, хотя бы раз в месяц.

– Ваша мать так и поступала?

– Нет. Два-три раза в год Джул устраивала семейные обеды, на которые кроме нас приглашала многочисленных друзей и знакомых.

– А, как Вы думаете, зачем она приглашала посторонних на семейные обеды?

– Думаю, это была показуха. Некий отчет перед другими.

– Вы часто общаетесь со своими братьями?

– Нет. Я о них даже и не думаю, впрочем, как и они обо мне.

– Скажите, а у Вас есть отец?

– Да. Маленьким, я видел его от силы раз пять: карьера посла не позволяла ему часто бывать дома. Когда мне исполнилось пятнадцать лет он исчез. Кто-то говорил, что его уби-

ли, кто-то предположил, что он остался в Зазеркалье и у него другая семья. Джул очень злилась.

– Почему?

– Потому что она не могла больше посещать Зазеркалье.

– Я читал в Вашем досье, что Вы посетили Зазеркалье.

Как Вам удалось это сделать, учитывая положение дел?

– Зачем Вы хотите это знать?

– Чтобы понять, как Вам помочь. Или Вам не нужна наша помощь?

– Нет. Да. Не знаю.

– Расскажите, как Вы туда попали?

– Если я расскажу, Вы поможете мне?

– В этом и заключается моя задача, Софи...

– Хорошо. Это случилось за месяц до моего дня рождения... В то утро звонок будильника прогремел над моим ухом, как раскат грома, заставив меня вынырнуть из объятий Морфея³, а, может, и самого Гипноса⁴ с жуткой головной болью. Не открывая глаз, я сел на край тахты и уперевшись локтями в колени, начал пальцами массировать виски. Боль стала уходить. Рядом слышалось цоканье, и я почувствовал на своем лице горячее дыхание. Это был Хвост – моя немецкая овчарка, мой единственный друг, которому я могу рассказать все, что накопилось в моем воспаленном воображении. Я люблю его, и Хвост платит мне тем же.

³ *Морфей* – бог сновидений в греческой мифологии.

⁴ *Гипнос* – бог сна, отец Морфея.

– Ты-ы прро-осну-улся? – протяжно поинтересовался он.
– Почти, – ответил я и открыл глаза.

Пес стоял рядом и вилял хвостом. Протянув руку, я потрепал его по загривку.

Не смотрите на меня так – я не сумасшедший. Это теперь звери умеют говорить. Не все, но умеют. Спасибо генетикам. Лет пятьсот назад они изменили что-то в их мозгах и гортани, что привело к большому научному открытию.

– Рра-або-ота-а? – пес посмотрел на меня преданным взглядом.

– Да, приятель, – сунув ноги в шлепанцы, я с трудом поднялся и побрел на кухню. – Сейчас тебя выпущу, потом накормлю. Когда вернусь, не знаю. Я оставлю тебе еды на вечер.

– Хо-орро-ошо-о, – Хвост двинулся следом за мной.

Я открыл дверь и пес выскочил в садик.

Добежав до любимого куста Хвост внезапно остановился и, повернувшись ко мне, провыл:

– Джу-ул. Вче-ерра-а.

Я поморщился. За последний месяц это был уже пятнадцатый звонок от нее.

Придется с ней поговорить. Сварив себе кофе, я уселся за стол и поправив на своем запястье вирком⁵, набрал номер матери.

– Слушаю, но не вижу, – раздался ее голос.

⁵ Вирком – гаджет для связи.

– Привет, Джул, это Софи.

– Наконец, – в ее голосе послышалось слабо скрываемое раздражение, – я ждала твоего звонка еще вчера. Разве твоя псина не передала тебе?

– Говори, что тебе нужно, мне скоро уходить.

– Почему я тебя не вижу?

– Нет времени подключать голограмму.

Она знала, что я вру, но ничего не сказала, лишь наигранно вздохнув, промурлыкала:

– Ты слишком много работаешь, сын. Тебе ни на что не хватает времени. Из-за этой работы ты до сих пор не женился и не завел детишек. И друзей у тебя нет.

– У меня есть Хвост.

– Хвост, – хмыкнула в ответ Джул. – Он не может заметить тебе жену и детей. Кстати, через месяц тебе исполнится тридцать пять. Ты помнишь об этом?

– Помню, – буркнул я.

– Тогда в чем дело? Надо отпраздновать это событие. Если дело в деньгах, то я могу одолжить тебе небольшую сумму. Ты же понимаешь, после того, что сделал твой отец, я осталась совсем нищей.

– Понимаю, – согласился я. – Рестораны, модные показы, вечеринки. И везде надо поспеть. Джул, ты можешь спать спокойно, у меня есть деньги. Правда, вечеринка отменяется.

– Но... – начала было она.

– Не стоит ломать комедию, мама. Мы оба прекрасно знаем, что тебя мало заботит жизнь собственных детей. Если бы не закон, ты вряд ли завела нас.

– Даже если это и так ты не вправе упрекать меня.

– Так зачем ты звонила?

– Меня волнует судьба моего прошения в Департамент. Ты случайно не в курсе: по нему принято решение?

Я знал, но надеялся, что она не спросит.

– Нет, не знаю, – снова соврал я ей. – Постараюсь сегодня все выяснить.

– Да-да, узнай и позвони, – в ее голосе слышалась нервозность. – Мне снова пришло напоминание. Кстати, меня пригласили в качестве модели на грандиозное шоу. Представляешь? Оказывается, я еще интересна людям! Они придут на меня посмотреть. Меня никак нельзя лишать жизни. Ты передай им это. Никак. Я могу принести казне много денег. Ты все запомнил? И позвони. Сразу же, как только узнаешь.

Я отключился. Конечно, я ей не позвоню. Просто пошлю сообщение, что Департамент Контроля над рождаемостью и смертью сожалеет о том, что мадам Джул Краут обязана покинуть этот мир через шесть месяцев, потому как не считает указанную в прошении причину веской для принятия положительного решения в пользу продления жизни. Еще я напишу, что Департамент благодарит ее за сто пятьдесят лет преданного служения обществу и настоятельно рекомендует, обратившись в любое юридическое бюро, привести в поря-

док все свои дела и составить завещание. Даже посоветую ей такое бюро. Я очень надеялся, что она мне больше не позволит и следующая наша встреча состоится только на ее похоронах.

Прибежал Хвост. Его лапы были влажными от утренней росы. – Ку-уша-ать, – попросил он. Я поставил перед ним миску с едой, а сам поплелся в ванную. Там я привел себя в порядок, затем убрался на кухне, оделся и включил для Хвоста его любимый канал для животных. Он тут же, запрыгнув на мягкую тахту и вытянувшись на ней во всю длину, установился на экран. Я улыбнулся и тихо закрыл за собой дверь.

Моя контора находится на втором этаже одного из деловых центров Европы. Когда мне не нужно рыскать в поисках беглецов, я люблю сидеть здесь, в небольшом кабинете ловцов, и, медленно покручиваясь в мягком кресле из стороны в сторону, наблюдать за бурлением жизни сквозь затемненное стекло окна.

Вот и в тот день, откинувшись на высокую спинку кресла и наблюдая за прохожими, я разговаривал с моей домовладелицей:

– Анна, скорее всего я вернусь поздно. Сможете покормить и прогулять Хвоста?

– О чем речь, Софи! Я сейчас же за ним схожу и возьму его к нам домой. Ты же знаешь, как Альберто любит гулять с ним по берегу моря.

Сеньора Анна – дама в возрасте. Я не знаю сколько ей лет.

Возможно, около семидесяти. Она, как и все ее предки, принадлежит к церкви «Истинная Жизнь», которая запрещает переходы в другие земли и призывает чад своих прожить столько, сколько отпустит Сам Творец. Тех же взглядов придерживается и ее муж Альберто. Им принадлежит немного земли на берегу Средиземного моря. Будучи молодыми они возвели на ней Храм, куда из многих мест стали стекаться приверженцы их веры. Но после того как на «Истинную Жизнь» начались гонения и Храм подожгли, им ничего не оставалось делать, как построить на этом месте небольшую деревню, в которой любили останавливаться на отдых художники, писатели и поэты. Поселившись в одном из домов, я стал единственным, кто не вписывался в эту творческую атмосферу.

Супруги сами воспитали пятерых детей, из которых лишь двое остались жить рядом с родителями. За те семнадцать лет, что я снимаю у них дом, мы очень сблизились. Когда я решил завести собаку и получил на это разрешение, сеньор Альберто лично сопровождал меня в питомник, где помог выбрать щенка. Если мне приходилось много работать, то я оставлял Хвоста с ними. Он был очень привязан к старикам, тем более, что свои первые слова пес сказал благодаря им.

Я был доволен, что Хвост не будет скучать и хотел было приступить к работе, но меня отвлекла Эдит – секретарша шефа, восхитительная женщина лет ста двадцати. Когда я только устроился в контору, у нас с ней случился бурный ро-

ман. Она стала моей первой женщиной, и я даже сделал ей предложение. Эдит тогда рассмеялась мне в лицо и ответила отказом. Видите ли, для семьи ей нужен мужчина состоятельный, а не вчерашний школьник, который годится ей во внуки. После того разговора мои отношения с ней стали носить исключительно рабочий характер. Недавно, напившись, на ее очередные вздохи по поводу того, что мужчины видят в ней только потенциальную любовницу, а не жену, я умудрился ляпнуть, что у нее еще вся жизнь впереди...

Эдит медленно вошла в комнату и не спеша подошла ко мне, соблазнительно покачивая бедрами. Аккуратно подвинув в сторону флешку с данными на беглецов, она поставила на стол чашку горячего какао и, развернувшись, так же медленно направилась к двери. Взявшись за ручку, Эдит, лишь слегка повернув голову в мою сторону, сказала:

- Звонил Лоренс. Просил срочно с ним связаться.
- Спасибо.

Пожав плечом Эдит вышла, затворив за собой дверь.

Отхлебнув из чашки ароматный напиток я поудобнее устроился в кресле и стал внимательно изучать информацию, мелькавшую на экранах регистратора. Полностью погрузившись в работу я забыл о том, что должен позвонить Лоренцу. Когда же я вспомнил о нем у меня сразу заныли зубы.

Лоренц был моим шефом. Высокий, несколько полноватый мужчина пятидесяти двух лет, с редкими лоснящимися

волосами и маленькими, близко посаженными глазками, он производил отталкивающее впечатление. Каждый раз, когда мне приходилось с ним общаться, он постоянно, что-то жевал. Я потянулся к запястью и с ужасом обнаружил, что виркома на руке нет. Видимо, я забыл одеть браслет после душа. Придется надеть очки. Поморщившись, я нацепил их на себя и, не отрываясь от экранов регистратора, произнес вслух:

– Звонок Лоренсу.

По линзам очков пробежала рекламная строка, после чего появилось лицо жующего шефа.

– А, Краут! – с набитым ртом воскликнул он.

– Вы искали меня?

Лоренц тщательно вытер рот салфеткой и спросил:

– Ты получил новое досье на беглецов?

Я скосил глаза на левый нижний экран регистратора. По нему медленно полз список имен тех, кто не явился в Дом Забвения на прошлой неделе. Теперь, спустя три дня, они были объявлены в розыск и их данные поступили во все офисы, занимавшиеся поиском потенциальных покойников.

– Да, – я снова сфокусировал взгляд на шефе. – На кого-то стоит обратить особое внимание?

– Номер пятьдесят, – отозвался Лоренц. – Красная метка.

«Особо опасен», – про себя подумал я и, отыскав глазами нужный номер, прикоснулся к нему пальцем. Передо мной развернулось галографическое изображение молодой женщины с короткими темными волосами, пухлыми губами и

большими синими глазами. Она улыбалась, отчего на ее щеках образовались очаровательные ямочки.

– Вы уверены, что она из беглецов? Выглядит естественно молодо. И взгляд молодой женщины.

Лоренц аж поперхнулся:

– Красная метка! Краут, проснись! Она не беглец и не подлежит уничтожению. Ее просто надо найти и доставить в Департамент Общественной Безопасности. Хочешь знать, сколько дают за ее поимку? Миллион кредитов. Ты когда-нибудь слышал о таком?

– Нет, – ответил я. – В какое дерьмо она сунула свою миленькую головку, если за нее отваливают целое состояние?

– Тебя как ловца это не должно волновать, но я намекну. Она – дочь Артура Зарин.

– Я должен его знать?

– Софи, ты меня поражаешь! Ты не только должен, ты обязан знать его имя. Из школьной программы.

– Да я как-то не отличался большой любознательностью. Кто он такой?

– Профессор физики, возглавлял группу ученых, изучавших пространственные разломы.

Я даже присвистнул:

– Не может быть! Ему же тогда...

– Очень много лет, – закончил за меня шеф. – Несоизмеримо много.

– Как же он умудрился столько прожить?

– Благодаря Зазеркалью. Он провел там слишком много времени, тем более в самых закрытых слоях, куда доступ имеют единицы. Вернулся оттуда лет сорок назад. Находился в фаворе у ОП, но спустя год был лишен всех званий, отлучен от науки; ему перекрыли доступ в иные миры. Поговаривают, что он нашел проход в срез прошлых событий.

– Это тоже в школе изучают? – поинтересовался я.

– Не ломай комедию, Краут, – шеф явно был не в настроении. – Об этом мне рассказал старина Аарон.

Аарон... Аарон... Аарон... Я пытался вспомнить, где я слышал это имя. Ах, да! Аарон – муж сестры Лоренца. Точно! Он работает в администрации ОП и частенько, выпив больше положенного, делится слухами и сплетням, гуляющими в кабинетах власти.

– Мало того, – продолжал Лоренц, – в это же время при загадочных обстоятельствах один за другим погибают все члены его рабочей группы. Где сам профессор, никто не знает.

– Так в чем проблема? Надо проверить биосканы...

– Ему черт знает сколько лет! Тогда еще не было биоров! – рявкнул Лоренц и побагровел.

– Извините, забыл, – я откинулся на спинку кресла. – Значит, его дочь является всего лишь приманкой? А в Департаменте уверены, что она знает, где находится ее родитель?

Лоренц потер мочку уха и хмыкнул:

– Это не наше с тобой дело. На кону стоят большие деньги, и это все, что меня интересует.

– Вы хотите, чтобы именно я поймал эту девицу?

– Понимаешь, Софи, ты хороший ловец. Впрочем, что я говорю! Ты один из лучших. У тебя потрясающая интуиция!

– Благодарю, – мне было приятно услышать похвалу от этого человека.

Лоренц откашлялся и продолжил:

– То, что ты видишь – приблизительная картинка того, как она может выглядеть сейчас.

– Они создали ее на основе фотоанализа отца и матери?

– Нет.

– Хорошо. Тогда, почему они не запустят фотосканеры? Быстрее получится.

– А кто тебе сказал, что они этого не сделали? Вся загвоздка в том, что мы не знаем ее имени и даже если задержим похожую на нее женщину, то как докажем, что она и есть дочь профессора?

– ДНК ее отца.

– А у нас есть это ДНК?

– Понятия не имею.

Лоренц поджал губы:

– Софи, у нас нет его ДНК. Кстати, она из того же инкубатора, что и ты. Все, что у нас имеется – это адрес дома, где якобы профессор жил одно время. Кое-кто обещал мне придержать этот адресочек на пару часов. Если поторопишься, то успеешь попасть туда первым. Принимайся за дело!

И он отключился.

Засунув руки в карманы брюк, я нервно ходил по кабинету из угла в угол. Я не люблю искать людей, когда за ними гоняется еще сотни две ловцов. Приблизившись к столу и оперевшись о него руками, я решил еще раз пробежаться глазами по досье дочери профессора.

Итак, «мисс Зарин, родилась 2 августа 3515 года в австралийском отделении детского инкубатора...»

Там же, где и я.

«Присвоен номер 4.992.550.932. Была похищена из инкубатора собственным отцом и отбыла в неизвестном направлении. Настоящее имя, как и биор не известны».

И как же она тогда училась в школе? Или лечилась, когда болела? Это абсолютно невозможно сделать, если биоскан не определяет биор. С этим я решил разобраться позже и вернулся к досье...

«Возможный адрес пребывания, возможный номер виркома...»

Везде «возможный», но попробовать стоило. Я набрал номер. Раздались гудки. Один, два... девять. Включился автоответчик. Сначала я услышал задорный женский смех, затем какую-то возню, шушуканье и только затем приветствие:

«Привет! Это Аврора. Самая красивая, самая обворожительная, самая изящная, самая удивительная, самая умная, самая веселая, самая обаятельная, самая-самая, что просто не нахожу слов. Я пошутила! Самая сексуальная, стильная,

шикарная, чертовски артистичная, неутомимая, дерзкая, забавная и просто идеальная! Согласны? Тогда смело оставляйте сообщение, и я обязательно перезвоню».

Это явно была, какая-то другая особа. Не думаю, что дочь профессора была так наивна, чтобы оставлять свое приветствие на виркоме. Часы показывали одиннадцать. В Доме Забвения меня ждали только в пять вечера и я решил сгонять по возможному адресу пребывания беглянки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.